

«Железная дорога» как необычайно яркая картина народных страданий и эксплуатации труда капиталом

Несколько позже (в 1864 году) Некрасовым написано стихотворение, которое рассказывает о том, до какого невыносимо тяжелого положения доведен русский народ хозяйничаньем Рудометовых и им подобных. Это — знаменитое стихотворение «Железная дорога».

В нем образ сановного реакционера, чрезвычайно близкого по духу Рудометову, не играет главной роли. Но все же, приглядываясь к этому образу — образу «генерала» «в пальто на красной подкладке», — приходится констатировать, что в нем сильно и красочно отражены характерные стороны психологии и мирозерцания реакционера. Он безгранично самоуверен, склонен к лакировке действительности («Вы бы ребенку теперь показали светлую сторону»), полон циничного презрения к народу, который является в его глазах «диким скопищем пьяниц», состоящим из тех, кто «разрушать мастера». «Генерал» в своей классовой ограниченности считает, что народ не мог создать величайшие произведения мирового искусства, а железную дорогу построил... граф Клейнмихель.

Однако центральное место в «Железной дороге» занимает не образ «генерала» с его возмутительными рассуждениями, а потрясающая картина народных бедствий, социальный смысл которой обострен тем, что народу противостоят в ней отвратительные образы его угнетателей и эксплуататоров. И нет ничего удивительного, что цензура яростно обрушилась на это произведение, решительно неприемлемое с точки зрения охранителей. Помещение «Железной дороги» на страницах только что освобожденного от предварительной цензуры «Современника» стоило журналу «предостережения».

Уже «эпиграф» стихотворения, воспроизводящий ответ генерала («в пальто на красной подкладке») на вопрос его сы-

нишки: «кто строил эту дорогу?» — звучал очень остро, звучал как вызов, бросаемый сановным реакционером передовой общественности, ибо ответ этот называл одного из самых ненавистных ей имен — имя «графа Петра Андреевича Клейнмихеля», одного из подлинных «столпов» николаевского режима.

Поэт революционной демократии не мог не принять этого вызова, и лживому утверждению генерала, своего случайного «спутника по железнодорожному купе, противопоставил свою точку зрения, согласно которой истинным строителем железной дороги является все тот же великий страстотерпец — русский народ.

«Железная дорога» — произведение, в котором слиты элементы и баллады, и сатиры, и чистой лирики, отличается удивительной четкостью композиции.

Некрасов, к слову сказать, был удивительным мастером композиции: его стихотворения всегда строятся по определенному легко прощупываемому плану, что должно быть поставлено в прямую зависимость от присущей Некрасову конкретности и ясности мышления.

«Железная дорога» делится на четыре части.

Первая — это картина осени, которую автор (лирический герой) наблюдает из окон быстро несущегося вагона.

Вторая — это рассказ автора об истинных строителях дороги, обращенный к мальчику Ване и представляющий собой опровержение приведенного в эпиграфе мнения генерала.

Третья — возражения генерала автору.

Четвертая — рассказ автора же об окончании постройки железной дороги.

Первая часть при поверхностном отношении к вопросу может показаться несколько оторванной от последующих, но только при поверхностном. При более глубоком отношении становится ясно, что картина осенней природы имеет в «Железной дороге» совершенно определенную функцию. Она понадобилась поэту, во-первых, для того, чтобы противопоставить красоту, разлитую в мире природы («нет безобразья в природе. . . всё хорошо под сиянием лунным»), тому «безобразью», которое царит в мире человеческих отношений, благодаря несправедливому социальному строю, и, во-вторых, лишний раз подчеркнуть свою любовь к «родимой Руси».

Вторая часть стихотворения начинается необыкновенно красочно и художественно выраженным рассуждением о тех экономических факторах, которые вызывают эксплуатацию труда капиталом:

В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод название ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные. . .

Далее в кратких, но сильных выражениях говорится о тех жертвах, которые потребовала постройка дороги:

Многие — в страшной борьбе,
К жизни воззав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские. . .
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Как ни эмоциональна эта картина, поэт не хочет ею удовольствоваться и прибегает к особому приему, обычному в балладах эпохи романтизма, в частности в балладах столь увлекавшего его в юношеские годы Жуковского: он изображает тени людей, умерших на постройке железной дороги; мало того, он заставляет их петь заунывную и мрачную песню, повествующую об их страданиях. Хотя реалистический характер стихотворения и исключает возможность того, чтобы читатель поверил, что перед ним действительно мертвецы, вставшие из гроба, а не образы, созданные творческой фантазией автора, и мысль и чувство которого прикованы к страшной участи строителей дороги, все же благодаря этому приему сила производимого «Железной дорогой» впечатления чрезвычайно возрастает. «Пение дикое» преследующих поезд мертвецов воспринимается, как стон всего народа, а образ «высоко-рослого больного белоросса»:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век. . .
Ты приглядишь к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит

И механически ржавой лопатой
 Мерзлую землю долбит! . .

не столько индивидуальный образ, сколько воплощение неизбывных страданий опять-таки всего народа.

В третьей и четвертой частях «Железной дороги» Некрасов ставит и разрешает вопрос о виновниках бедствий «строителей дороги», а вместе с тем и более общий вопрос о виновниках страданий народа. Об одном из этих виновников, сановном реакционере («генерал» «в пальто на красной подкладке»), уже было сказано. Наряду с ним не менее отрицательная характеристика дается поэтом представителю буржуазии. Это — подрядчик, «толстый, присадистый, красный, как медь». Он, именно он, осуществил на постройке железной дороги систему самой циничной эксплуатации — обсчитыванья, обмериванья, обвешиванья рабочих, благодаря чему при окончании работ не он рабочим оказался должен, а они ему. И вот он разыгрывает гнусную комедию: не только дарит рабочим мнимую «недоимку», но и выставляет им «бочку вина». И рабочие, — настолько они темный и забитый народ, — выпрягают лошадей и на себе везут обобрававшего их «купчину».

Кроме этих основных образов врагов и угнетателей народа, в «Железной дороге» фигурирует еще ряд вскользь упоминаемых сравнительно мелких хищников. Это — «грамотеи десятичники», принимающие деятельное участие в ограблении рабочих; это — мелкие полицейские чиновники, которые, исполняя волю «начальства», «секут рабочих», и т. д. Без упоминания о них общая картина эксплуатации была бы неполной.

Однако система образов в «Железной дороге» не ограничивается указанными образами.

Если бы эти образы были только образами страждущих угнетенных и торжествующих угнетателей, то стихотворение неизбежно производило бы крайне мрачное впечатление. Некрасов не хочет этого допустить, ибо, допустив это, он исказил бы действительность, и наряду с образами угнетенных и угнетателей, вводит образ рассказчика, помогающего читателю осмыслить картину социальных отношений. Этот последний — одно из главных действующих лиц в стихотворении. Описание осени в первой части и чувств, возбуждаемых осенней природой, характеризуют его как пламенного патриота, влюбленного в свою родину. В своем рассказе об истинных строителях железной дороги (вторая часть) он проявляет себя глубоким мыслителем, превосходно разбирающимся в социально-экономической структуре современного общества, и пламенным народолюбом, всем сердцем сочувствующим страданиям

эксплуатируемых масс. В беседе с генералом, требующим от него, чтобы он показал ребенку «светлую сторону», он как будто бы готов удовлетворить это требование, но на самом деле рисуемая им «отрадная картина» приобретает столь явно и ярко подчеркнутый иронический смысл, что этот смысл едва ли укроется даже от не отличающегося особой сообразительностью генерала. Наконец, в уста рассказчика вложены те бессмертные слова, которые позволяют говорить о нем как о человеке, не поддающемся пессимизму даже тогда, когда он стоит лицом к лицу с наиболее мрачными сторонами современной действительности. Не только к мальчику Ване, случайному соседу по купе, но ко всему молодому поколению России обращается рассказчик, когда говорит:

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет всё, что господь ни пошлет!

Вынесет всё — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе...

Комментарии излишни! Всякому ясно, что подобные дороги прокладываются только одним способом — победоносной народной революцией. В нее крепко верил Некрасов, и эту веру передал лирическому герою стихотворения «Железная дорога», образ которого сливается с образом рассказчика и с его собственным образом.

Если можно видеть в образах гибнущих строителей дороги, в образах их угнетателей и эксплуататоров типы широчайшего общественного захвата, то следует сказать то же самое и об образе лирического героя. В нем Некрасов воплотил черты лучшего представителя своего времени, подлинного революционного демократа.

В заключение отметим, что революционизирующее воздействие «Железной дороги» было огромно. Об этом в свое время напомнил Г. В. Плеханов в своем общеизвестном рассказе о впечатлении, которое это стихотворение произвело на него и его товарищей, учеников военной гимназии.

